

«А в сердце — все еще стихи!»

Свой столетний юбилей поэт Пётр Моряков отпразднует появлением на свет новой книги

Двадцать пятого января исполняется 100 лет со дня рождения писателя и журналиста Петра Фадеевича Морякова. Во время нашей беседы мы попытались разгадать феномен творческой неистощимости юбиляра и сформулировать своеобразный "кодекс" долголетия.

Первые стихи Пётр Моряков написал еще в ту пору, когда был студентом Томского пединститута. Как-то раз весной гулял он вдоль Томи, и совершенно внезапно, без видимых причин, в душе заиграли строки:

Уплыл апрель

На льдинах белых,

Отпловодила река.

А там, где, вспенясь,

все кипело,

Черемух всплыли облака.

Это "черемуховое озарение" не обошлось без последствий. Во-первых, стихи были опубликованы в газете, а во-вторых, юный дебютант осознал себя поэтом и понял, что его переживаниям дано вскипать и пениться на бумаге. Начало творчеству было положено.

По дорогам войны с пером и микрофоном

Времена не выбирают. Молодость Петра Морякова пришлась на суровые фронтовые годы. В годы Великой Отечественной войны Пётр Моряков работал в газете "Красноармейская звезда", вел раздел "**Изучай боевой опыт фронта**" и записывал рассказы бывалых солдат. - Однажды зашел к нам в редакцию военный, - вспоминает Пётр Фадеевич. - В длинной шинели, новой армейской фуражке. Высокий, бледный - я сразу догадался, что недавно из госпиталя. Зашел и говорит: "**Я прочитал статью о том, как истреблять вражеские танки. Хочу рассказать, как мы их истребляли**". Конечно, я пригласил его к столу, взял блокнот и написал заглавную строчку: "Хочу рассказать..." Но спустя несколько мгновений я и думать забыл о блокноте! Представляете? Так погрузился в услышанное, будто сам оказался именно в тот день в том месте, где немцы решили прорвать оборону."

...Очнулись мы в окопах на рассвете от команды "К бою! Танки!", - говорил гость. - Спросенок они показались нам призраками с черными крестами. Но эти "призраки" ревели, а потом и огнем засверкали. Ответили и мы огнем пушек, и пошло - кто кого! Хоть и не вдруг, но взяла наша. Стоило нам подбить несколько танков - остальные повернули обратно. Тогда мы еще не думали о беде".

За первой атакой последовали вторая, третья, а под вечер, когда у бойцов кончились снаряды, в наступление двинулись вражеские "тигры". Как быть? "Не сговариваясь - все равно пропадать! - мы опоясались гранатами и, подпустив "тигров" поближе, стали под них бросаться, - продолжал военный. - Пришел и мой черед. Бросился и я, но "тигр" так рванул назад, что своими траками отбросил меня вместе с землей. Насмерть не задавил, но ребра помял изрядно. Гляжу - и глазам не верю. Стали пятиться назад и другие "тигры". Чудно! Испугались! И почему? Ведь днем-то перли простые танки без страха, хотя мы били по ним из орудий. А теперь - "тигры" - и вдруг оробели. Развернулись - и наутек". Описывая свой смертельный бросок и как бы заново переживая события, боец снял фуражку и... Оказалось, молодой двадцатилетний парень абсолютно седой - от корней до кончиков волос.

- Вот так давалась нам победа, - задумчиво подводит итог Пётр Фадеевич. - Имени того солдата я не запомнил. Когда разговор кончился, он поднялся и ушел, а так как я не записал ни строчки, пришлось все восстанавливать по памяти. Нашей встрече я посвятил не только очерк, но и стихотворение **"Отвергнутый смертью"**. Спустя годы они вошли в мою книгу **"Жизнь с пером и микрофоном"**. Еще одна удивительная история была связана с орденом Александра Невского. Выполняя редакционное задание, Пётр Моряков отыскал в госпитале первого кавалера ордена - гвардии капитана Ивана Смирнова. И по просьбе редактора ("сколько расскажет, столько записывай") перенес на бумагу целых двенадцать историй. Чуть позже они вышли отдельной книгой **"Бить врага по-гвардейски"**. - Но знаете, что любопытно? - добавляет Пётр Фадеевич. - Во время беседы заходит мальчишка лет тринадцати. Рукав белой госпитальной рубашонки пуст, ручки нет, а на груди - орден Красной Звезды! Гвардии капитан мне говорит: **"Знакомься. Наш самый юный разведчик Сашенька"**. **"За что же тебя, - спрашиваю, - удостоили такой награды?"** **"А все просто было, - объяснил мальчонка. - Мы с ребятами в прятки играли, и я решил спрятаться получше. Бегу, вижу - открытое окно. Заскочил в него. Совсем забыл, что в этой комнате жил немецкий офицер (село-то на оккупированной территории находилось). Смотрю - на столе планшет лежит. Я сразу**

сообразил, что в нем важные военные бумаги. Схватил, спрятал под рубашку и обратно в окно. Ночью по болоту решил перебраться к своим. Когда полз, наткнулся на мину. Она рванула, наши услышали, поляну осветили, подобрали меня и отвезли в госпиталь. А когда я уже поправился, пришел генерал. Сказал, что документы очень пригодились, и прямо на рубашку привинтил орден".

Такие вот моменты, такие радости и горести случались в годы войны.

Пора медосбора

Большинство стихов Петра Морякова, написанных уже в мирное время, - это стихи о любви, встречах и расставаниях. О каждодневных, обыденных чудесах, которые по сути глубоки и непостижимы. У каждой строчки - своя линия жизни, история появления на свет.

Еще на том, на первом вечере,

Подобно Золушке скромна,

Еще никем ты не замечена,

В тени стояла ты одна.

Открылась мне совсем нечаянно

Твоя простая красота

Столь покоряющей печалинкой,

Что так порою непроста.

Кому посвящено стихотворение? Девушке, которая пришла на Новосибирское радио, чтобы потанцевать на новогоднем празднике. Отсюда - балльные нотки с легкой щемящей грустью о том, чем же закончится сказка, когда пробьют куранты...

Первый сборник Петра Морякова назывался кратко и без затей - "Стихи". Впрочем, изначально книга должна была носить другое, гораздо более яркое имя - "Междузорье", однако редактора почему-то испугал такой вариант. Быть может, критики углядели в этом слове какой-то туманный смысл, не вполне соответствующий "солнечному идеалу" поэта-гражданина? Хотя автор всеми силами пытался оправдать и отстоять поэтический образ:

О междузорье!

Мне не спится.

Жду не дождусь минуты той,

Когда заря, моя жар-птица,

Уронит луч свой золотой...

Увы, время было жесткое, цензура не дремала, и междузорье реабилитировать не удалось. Однако читательская судьба "Стихов" сложилась удачно, поэтическое творчество стало для Петра Морякова призванием на долгие годы. Вдохновение не покинуло его даже после выхода на пенсию. В конце концов, кто сказал, что поэзия - исключительно удел юных? Разве убеленный сединами Гёте не создавал шедевры и не опровергал стереотипы? "Произошла своеобразная "пора медосбора", когда все пережитое и накопленное за жизнь непостижимым образом переплавилось в чудесный эликсир высокой лирики", - делится впечатлениями от книг Петра Фадеевича его коллега по писательскому цеху Евгений Мартышев. Когда у Петра Морякова появилось больше свободного времени, он, как бы оправдывая свою "морскую" фамилию, пустился в кругосветное плавание. - Обычно туристов спрашивают: какое впечатление было для вас самым ярким? - размышляет он. - Для меня таким впечатлением стало возвращение на Родину. Круиз длился целый месяц. Мы побывали в Турции, на Мальте, в Испании, Италии, Франции, Англии, Дании. Сначала все было очень интересно: Атлантика, Неаполитанский залив, остров Капри, где жил Горький... Но в последние дни чувствую - тянет меня домой, да и только! И притянуло меня свое родное море, Обское. Обзавелся я там дачей и стал вплотную писать стихи.

На протяжении шести лет Пётр Моряков издал несколько поэтических сборников, а также книгу очерков, которые в разное время звучали на радио. Как сказал поэт, "пройдут годы - вот по этим книгам и будут воскрешать ту пору, в которую жило и творило наше беспокойное поколение".

Навстречу "Озарению"

В канун юбилея Петра Морякова сибирские журналисты решили выпустить фотофильм, посвященный своему коллеге. И это неслучайно, ведь Дом журналистов давным-давно стал для Петра Фадеевича вторым домом: именно здесь находится литературная гостиная, которой Пётр Моряков руководил долгое время, именно здесь ему вручал премию легендарный Василий Песков. Кстати - о наградах. Совсем недавно Пётр Фадеевич

получил медаль Александра Покрышкина, к образу которого не раз обращался в стихах и прозе. Несмотря на элегантный возраст, самый старший из новосибирских писателей сохранил и свежесть слов, и чувства простоту, которые дают возможность пишущему человеку быть поэтом. Так, недавно Пётр Моряков подготовил к изданию очередной сборник стихотворений "Озарение". Об этой книге он и рассказал собратьям по перу на вечере встречи, организованном в региональном отделении Союза писателей России. А затем прочел стихи, посвященные грядущей юбилейной дате. Много ли такого рода произведений знает мировая литература?

Мне - сто. Невидимые двери

Я в мир неведомый открыл.

Своим глазам я не поверил:

Такой рубеж переступил!

И все во мне затихло сразу.

Но даже в дни, что так тихи,

Я рад тому, что ясен разум,

А в сердце — все еще стихи!

СПРАВКА

Пётр Фадеевич Моряков родился 25 января 1914 года в селе Улановка Анжеро-Судженского района Кемеровской области. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом газеты "Красноармейская звезда" ("Советский воин"), затем работал на Новосибирском радио. Издал ряд поэтических сборников: "Любви святая простота", "Доверье душ", "Звезда на излете", "А жизнь идет", "Гроздь рябины". Член союзов писателей и журналистов России. Кавалер Золотого почетного знака "Достояние Сибири".

Татьяна РЕШКЕ